

Глава 600 – Тьма Перед Рассветом

Когда он прибыл в Комитет по делам семьи, Люсьен случайно встретил Нормана, ученика Дугласа, который был одним из его членов.

“Ваше Превосходительство Эванс, Вы-истина стихий... — приветствовал его Норман согласно правилам Конгресса.

Люсьен улыбнулся: — В таких неприятностях нет необходимости. Это слишком большая трата времени. Когда я встречался с их Превосходительствами раньше, я отдавал им должное только при нашей первой встрече.”

— Мистер Эванс, Вы хотите, чтобы комитет сделал что-нибудь еще? - Вообще-то, тебе вовсе не обязательно приезжать лично. Вы могли бы связаться с любым сотрудником в офисе или попросить нас зайти в вашу библиотеку.”

— Люсьен указал на конференц-зал. — Некоторые вещи можно лучше объяснить при личной беседе.”

Описывая соглашение, касающееся колледжа магии Холта, Люсьен посмотрел на Нормана и спросил: «есть ли что-нибудь неясное?”

“Ваше Превосходительство, это замечательная мысль. Я никогда раньше не видел такого метода обучения. Будучи выпускником школы магии, я мог бы сэкономить один год своего времени, если бы у меня была возможность самостоятельно выбирать курсы и учителей. - Норман похвалил новую модель. У него, конечно же, были удивительные подарки, которые выбирал Дуглас.

— Подумал Люсьен. Если бы он предложил этот метод кому-то еще, они могли бы подумать, что это разрушит атмосферу в школах и саботирует традиционные отношения учителя и ученика, как дилемма, с которой он столкнулся, когда был в школе магии Дугласа. Однако Норман дал ему очень высокое замечание, основанное на его личном впечатлении почти без всякого анализа.

— Ученики в основном очень молоды. Самостоятельный выбор означает лишь потворство своим желаниям. Разные возрастные группы требуют разных способов. Конечно, это не лучшее решение, чтобы просто позволить им делать все, что они хотят. - Люсьен поднялся. «Срок обучения в колледже составит два года. Они могут закончить обучение заранее или подать заявку на отсрочку на один год. Вы будете набрасывать детали.”

“В порядке. Я позову членов совета и вскоре все с ними обсужу. - Норман уже записал наставления Люсьена в магическом круге.

Когда Люсьен уже собрался уходить, вошел арканист среднего ранга: “Мистер Норман, Ее превосходительство ведьма Исландии прислала секретный камень для записи. Она просит комитет разобраться с этим в документе.”

— Записывающий камень? Норман как-то странно посмотрел на Люсьена. Было ли что-то еще, что Высший совет хотел бы, чтобы они сделали?

После того, как Гастон изобрел волшебный граммофон, многие другие арканисты разработали аналогичные продукты. Записывающий камень был одним из них. Это было гораздо проще и удобнее, чем в прошлом.

“Это часть дискуссии во время встречи. - Люсьен перестал уходить и решил понаблюдать за Норманом. Хотя он был уверен, что эта дискуссия не приведет к землетрясению в когнитивных мирах магов в соответствии с логикой и пророчествами, ему все же нужно было сделать вывод о возможной приемлемости других людей на основе реакции, которую Норман имел после прослушивания записи, чтобы он знал, как публиковать свои статьи.

Увидев, что Люсьен снова сел, Норман подумал, что у него есть и другие инструкции относительно содержания записывающего камня. Итак, он намекнул арканисту среднего ранга, чтобы тот ушел первым, и активировал записывающий камень, включив звуконепроницаемый магический круг в конференц-зале.

“Пока еще нет экспериментов, подтверждающих волновую природу электронов... — раздался чистый и холодный голос Хэтуэя.

Норман сразу же понял, в чем дело. Должно быть, они обсуждают статью Дьеппа и замечание Мистера Эванса.

По мере развития спора Норман все больше сосредотачивался. Довольно много арканистов высказали свое мнение. Например, если частицы были волнами, то почему люди не были волнами, когда они были сделаны из частиц? Он также согласился с теорией Хэтуэя о том, что особые колебания частиц демонстрируют свойство волн.

К тому времени, как Оливер спросил мнение Люсьена, Норман взглянул на Люсьена, который удобно сидел на стуле, с трудом веря, что он просто спросил, «Что такое волны» и «что такое частицы».

Однако после того, как Люсьен изложил свою идею под девизом «слепой чувствует дракона», Норман стал еще серьезнее, словно обдумывал самую сложную проблему. Он пробормотал про себя: «летучие мыши, ящерицы, волны и частицы ... это действительно беспрецедентная перспектива...”

Запись остановилась прежде, чем Фернандо успел заговорить. Норман все еще был глубоко погружен в свои мысли, как будто пытался понять мнение Люсьена.

После долгого молчания он, наконец, заметил наполовину с восторгом, наполовину с горечью: — Мистер Эванс, благодаря вашей точке зрения и вашей простой для понимания метафоре, даже если электроны окажутся волнами в будущем, мне не нужно будет беспокоиться о том, что мой когнитивный мир рухнет.”

Затем он заговорил о своем собственном понимании, ища одобрения у Люсьена. «...Мы можем рассматривать это как нечто такое, что мы еще не до конца осознали. Мы не можем определить его с частью его особенностей, но можем только описать его в определенном диапазоне. День — это не ночь, но небо может вести себя в двух состояниях, которые являются днем и ночью. Различное время наблюдения приводит к его различному виду.”

Это было гораздо проще, чем прямо признать, что частицы — это волны. Маги всегда с благоговением относились к неизвестному. Они описывали его только согласно своим экспериментам.

Естественно, Люсьен не мог сказать, что «небо» на самом деле было состоянием суперпозиции «дня» и «ночи». Видя, что Норман воспринял это довольно спокойно, он встал и сказал: “Это обсуждение некоторых проблем в настоящее время. Главная цель состоит в том, чтобы попросить арканистов держать открытый ум о неизвестном. Они не должны вводить

предыдущие концепции вслепую, иначе они никогда не увидят общую картину.”

«Исследования арканы важны, но методология изучения арканы кажется столь же важной! - Сказал Норман со смешанными чувствами.

Люсьен с улыбкой кивнул головой. Это была именно та методология, то есть способы и отношение, с которыми наблюдали и обрабатывали проблемы.

Увидев, что Люсьен собирается уходить, Норман проводил его до двери и несколько мрачно заметил: “могут ли проблемы в новой алхимии быть решены только в том случае, если электроны рассматриваются как волны? Это заставляет меня чувствовать, что новая алхимия достигла самого трудного момента. Здесь почти нет никакой надежды. Единственный Рассвет, который можно увидеть, является неприемлемым для системы.”

Существование материалов было реальным. Даже Норман, арканист, более склонный к волновой теории, находил более или менее неприемлемым введение понятия волн в материю. Он чувствовал себя беспомощным и расстроенным из-за дилеммы, связанной с новой алхимией.

“Ты опять забыл. Это просто таинственный материал, который показывает особенности волн. - Люсьен попрощался с ним. Невозможно было изменить свое мышление в одночасье.

Проводив Люсьена, Норман потер щеки. — Они кажутся такими реальными. Мне трудно поверить, что это волны...”

...

Как председатель «воли стихий», Моррис вскоре получил эвристическую статью после того, как она была опубликована. Просматривая его, он изобразил самодовольную улыбку. — Новая алхимия, с одной стороны, а электроны как волны-с другой. Это действительно трудный выбор.”

— Учитель, это уже третий раз, когда вы произносите одно и то же замечание за тот час, что я обсуждаю с вами вопросы. - Сказала Флоренсия более или менее жалобно. “А почему тебя так волнует эта проблема? Просто потому, что это можно объяснить с точки зрения волн, не означает, что это не может быть объяснено с точки зрения частиц. Вместо того чтобы беспокоиться об этом, вы должны уделять больше внимания своим исследованиям. Тем не менее, вы говорите менее нерешительно, чем в предыдущие два раза.”

Она была членом Комитета по связям, который лучше разбирался в делах, чем в исследованиях.

Моррис улыбнулся: “Вы очень проницательны. Люсьен объяснил электроны с новой точки зрения. Это не неприемлемо, даже если они ведут себя как волны.”

“Неужели это так? - Флоренсия попросила газету и внимательно прочла ее. В конце концов, она улыбнулась и сказала: “ранняя дискуссия была действительно интенсивной, но у Люсьена действительно есть особый образ мышления. Должно быть, именно поэтому он представил так много революционных достижений... я редко вижу, чтобы кто-то упрощал вопрос только одной метафорой.”

«Возможно, это и есть истинная природа корпускулярно-волнового дуализма. - Моррис тяжело вздохнул. — Однако, судя по тому, что Люсьен имел в виду между строк, он более склонен

решать проблемы в новой алхимии и с волнами тоже.”

«Краеугольный камень элементов и фундаментальный код для описания частиц должны решить свою проблему с волнами. Какая ирония судьбы. Флоренсия усмехнулась, но вид у нее был довольно мрачный.

Моррис встал и подошел к окну. Глядя на серое небо и удручающий, подавляющий снег, который блокировал его зрение, он заметил: “новая алхимия именно сейчас переживает такую погоду. Во все стороны летят огромные снежинки, и никто не видит выхода. Мы можем только нащупывать, когда делаем шаг вперед. Даже неприемлемые и не подлежащие обсуждению вещи в прошлом должны быть схвачены до тех пор, пока они указывают путь к выходу.”

“Это дилемма для Люсьена, как и для всех других элементов в области стихий и алхимии. Мы подобны загнанным в ловушку зверям, которые вынуждены прибегать ко всем возможным средствам, чтобы вырваться из осады и снова увидеть рассвет.”

Флоренсия тоже подошла к окну и вздохнула. «Я надеюсь, что такая путаница, депрессия, холод и утрата закончатся как можно скорее, так что мы сможем пройти через бесконечную темную ночь и достичь рассвета, где все окрашено красным солнцем.”

— Тьма перед рассветом самая глубокая и густая. - Заметил Моррис. Это было также последним препятствием перед полу-закреплением его познавательного мира.

...

Равенти, Гастон, Локлинн, Маркус и другие высокопоставленные арканисты чувствовали себя более или менее одинаково, когда они читали эвристическую бумагу. С одной стороны, пример Люсьена сделал их более открытыми по отношению к частицам, что позволило им изменить свой образ мышления; с другой стороны, все они были разочарованы узким местом новой алхимии.

Неужели они собираются просить подкрепления волновой теории после того, как их усилия в области частиц оказались тщетными?

Если бы даже волны не могли решить все проблемы, была бы модель новой алхимии совершенно неправильной с самого начала?

В неведомом мире чистой тьмы новая алхимия, казалось, достигла пересечения, которое решит ее собственную судьбу!

«Возможно, мы уже приближаемся к успеху, если не считать того, что в темноте вокруг нас есть только один правильный путь. Если мы пойдем по правильному пути, то через один шаг мы поднимемся на трон магии и Арканы и овладеем тайнами материи, но, если мы пойдем по неправильному пути, мы упадем в бездонную пропасть и разобьемся на куски. Глядя на гнетущую метель за окном, Равенти вдруг почувствовал: настал самый критический момент для новой алхимии. Взойдет ли он и осветит все вокруг подобно солнцу, или же он упадет подобно Луне и позволит тьме вновь охватить мир?

...

Вечером, ответив на множество писем, Люсьен вернулся в свою библиотеку и сел на стул. Затем он вывел огромные экспериментальные данные.

Планы никогда не могли идти в ногу с изменениями. Люсьен покачал головой и, взяв перо, начал писать: «о квантовой механике».

За окном в холоде и темноте танцевали снежинки.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/4991/1245176>